

№ 1215

XX 63
II

№ 3
МАРТ
1939

ГОД ИЗДАНИЯ
ПЯТНАДЦАТЫЙ

Муззилка

ОРГАН ЦК ВЛКСМ

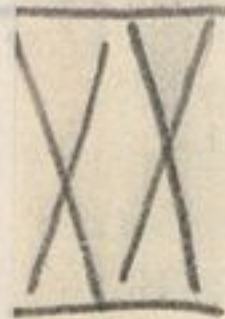
ЖУРНАЛ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

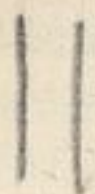

1-XLII.

63

Очерк Е. Ольгиной

ТАРАС ГРИГОРЬЕВИЧ ШЕВЧЕНКО

Семья у Григория Шевченко была большая: кроме Тараса, еще четверо детей, да самих двое, да столетний дед. Жили Шевченко в селе Кирилловке Звенигородского уезда Киевской губернии.

Жили они плохо. Григорий Шевченко был крепостным и работал на помещика с утра до ночи. Мать тоже работала не покладая рук на барских полях. Ребята целыми днями оставались одни, и маленький Тарас уходил в степь и бродил там до темноты: пел песни, собирал цветы, глядел на просторное украинское небо и мечтал.

Но даже эти маленькие радости скоро кончились, потому что у Тараса умерла мать. Ему было тогда девять лет. Отец женился на другой. Мачеха невзлюбила пасынка, и жизнь Тараса стала еще тяжелей.

Отец любил Тараса и жалел его. Он даже отдал его в обучение к дьячку¹. У дьячка жить было трудно: Тараса били ни за что, ни про что, заставляли делать всякую грязную работу, а все ученье заключалось в том, что он без конца должен был зубрить грамматику и молитвы.

Тарас любил рисовать. И хотя ему не позволяли, он рисовал повсюду — на клочках бумаги, на стенах, на досках. Тарасу очень хотелось учиться рисовать, и он убежал в другое село к дьячку-маляру. Дьячок взялся учить Тараса, но жить у него пришлось недолго: мальчику исполнилось пятнадцать лет, и жить в чужом селе без разрешения помещика больше не полагалось.

Тараса взяли в барский дом — сделали поваренком, а потом казачком. Он должен был целый день сидеть, не двигаясь, в передней и ждать, пока барин его позовет. Тарасу очень хотелось рисовать. Ему удалось достать лист бумаги и карандаш, и однажды, когда помещик уехал на бал, Тарас вынул спрятанный лист бумаги и начал рисовать. Он увлекся и не заметил, как вернулся барин. Тараса сильно наказали — его высекли на конюшне.

Через несколько месяцев помещик поехал в Петербург и взял с собой Тараса. В Петербурге Тарас работал у маляра-живописца, грубого и невежественного человека. Тарасу пришлось очень худо. Научиться у маляра он ничему не мог. Он мечтал поступить

¹ Дьячок — служитель при церкви.

Рисунок Т. Г. Шевченко

в Академию художеств, а в Академию крепостных не принимали. В это время Тарас Шевченко встретился с украинским художником Сошенко, который решил во что бы то ни стало помочь талантливому юноше получить свободу. Он познакомил Тараса с поэтом Жуковским и художником Брюлловым. Эти отзывчивые и добрые люди вот как помогли Шевченко: художник Брюллов нарисовал портрет Жуковского; портрет этот разыграли в лотерее, выручили за него две тысячи пятьсот рублей и выкупили Тараса из неволи. Тарас Григорьевич Шевченко стал свободным человеком и поступил в Академию художеств.

Примерно в это же время Шевченко начал писать стихи. Стихи его были печальные. Поэт не забывал своей родины, своего замученного народа и с необыкновенной силой и задушевностью выражал в своих стихах народное горе и страдание.

В 1847 году Шевченко арестовали. При обыске у него нашли революционные стихи. В этих стихах Шевченко с гневом и ненавистью обрушивается на царя и помещиков. За эти стихи Шевченко осудили. Его

Рисунок Т. Г. Шевченко

определили рядовым солдатом в Оренбургский отдельный корпус и запретили писать и рисовать. Так распорядился царь Николай I.

Десять лет провел Шевченко в ссылке. Жил он в душной казарме. Кругом была голая, выжженная степь. Шевченко заставляли маршировать по пять часов в день. Он был далеко от всех своих друзей, у него порой не было ни карандаша, ни бумаги. Даже письма он получал редко. Жизнь была тяжелая, невыносимая, но Шевченко не падал духом. Ему не позволяли писать стихи, но он писал их и прятал в сапог.

В 1857 году Шевченко освободили.

Десять лет ссылки не изменили поэта. Прежняя ненависть к помещикам и царю разгоралась в нем все сильнее и сильнее. Он поехал на Украину, навестил своих братьев и сестер. Они всё еще оставались крепостными. Поэт побывал в разных селах; везде он видел одно и то же: народ жил в неволе, работал на помещика, страдал и бедствовал. И в своих стихах Шевченко с новой силой нападает на царя, на помещиков. Он призывает к восстанию и даже к революции.

В конце 1860 года Шевченко заболел, а в марте 1861 года умер.

Его похоронили в Петербурге. Тарас Григорьевич хотел, чтобы его похоронили на родине — на Украине. В своем стихотворении «Завещание» он просил:

*Как умру — похороните
На Украине милой,
Посреди широкой степи
Выройте могилу.
Чтоб лежать мне на кургане,
Над рекой могучей,
Чтобы слышать, как бушует
Старый Днепр под кручей.*

Друзья исполнили волю поэта. Они перевезли тело Шевченко на Украину, на берег Днепра, возле города Канева. Там Тарас Григорьевич незадолго до своей смерти хотел было построить домик и провести в нем последние годы своей жизни.

9 марта 1939 года исполнилось 125 лет со дня рождения великого народного поэта Тараса Григорьевича Шевченко. Стихи его переводятся на все языки народов нашего Союза. Его юбилей празднует весь советский народ.

ЧЕРНЫЙ ШЛЯХ

Рассказ О. Иваненко
Рисунки Б. Дехтерева

Сколько разных дорог на свете и куда все они ведут?

Дед сидит вечером на завалинке, рядом с ним — маленький Тарас. Дед смотрит на темное небо, на звезды и говорит:

— Это чумацкий шлях!¹

Чудно! И на небе есть шляхи! Кто же ездит по этим шляхам? Неужели чумаки?²

— Вот едут, едут чумаки... Кругом степь. Тихо, даже ковыль не шелохнется. Посмотрят чумаки на звезды и по ним дорогу узнают, — объясняет дед.

— А чумаки ведь мимо нас ездят Черным шляхом? — спрашивает Тарас.

— Эге, Черным, — качает головою дед, и его длинные седые усы спускаются низко-низко.

Черный шлях Тарас знает очень хорошо. Он проходит возле самой их хаты. Хата Тараса стоит на краю села; она кособокая, старая, как бабуся с подслеповатыми глазами.

По шляху ходят каждый день батько и мать Тараса на барское поле. Как же не знать этот шлях?

— А почему он называется Черным? Потому что чумаки черные? — спрашивает Тарас.

И кажется Тарасу: вот едут чумаки, черные, загорелые; едут они по Черному шляху, по степям, по селам, таким же, как и их Кирилловка. А этот Черный шлях, оказывается, ведет прямо на небо; на небе его называют чумацким, потому что там горят звезды, освещают чумакам путь.

А дед смеется и качает головой.

— Шлях Черный потому, что он страшный.

Только хотел Тарас спросить, почему шлях страшный, да слышит — Катруся зовет. Спать пора. Жаль, не успел дед досказать. А днем спросить некого. Едва рассветать начнет, отца и мать уже на барщину гонят. Дома хозяйничает старшая сестра, Катруся.

Катрусе много приходится работать:

¹ Шлях — дорога, путь. Чумацкий шлях — Млечный путь.

² Чумаки — извозчики на волах; в былые времена чумаки отвозили в Крым хлеб, а оттуда привозили рыбу и соль.

Тарас родился — его нянчила, потом Яринку, потом Марийку, потом Осипа...

За всеми нужно приглядеть, всех накормить, а самой Катрусе — четырнадцать лет.

У нее дел много, ей некогда с Тарасом разговаривать.

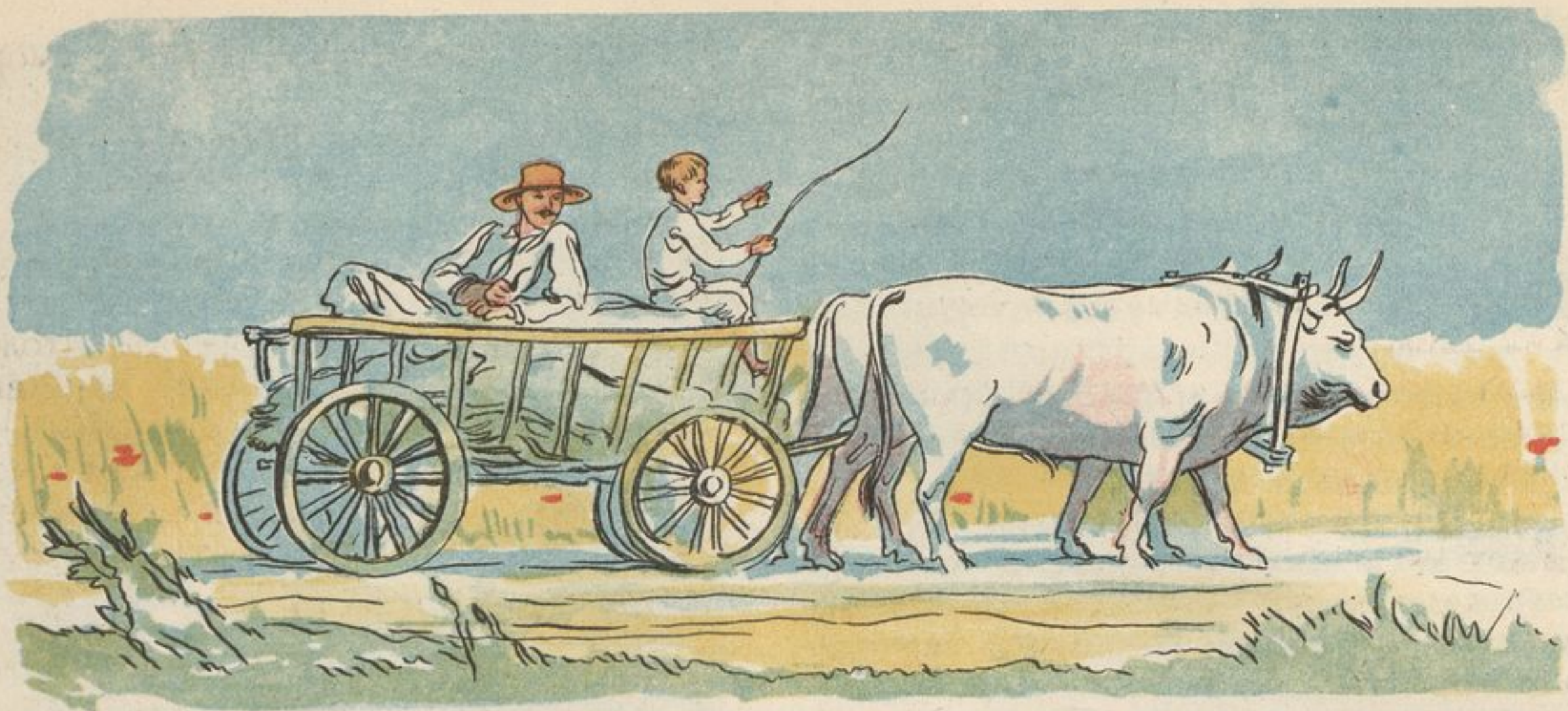
Да и у Тараса немало работы. В пруду выкупаться надо? Надо. Кувыркаться с ребятами на пыльной дороге надо? Надо. А потом снова бежать купаться. Надо и в кузницу зайти, посмотреть, как кузнец работает. Бьет кузнец молотом — искры летят, а сам смеется. Хороший кузнец!

Но вот убегает Тарас от своих товарищей и прячется в кустах калины. Лежит и мечтает. Он любит прятаться где-нибудь в бурьяне или в калине, лежать, смотреть на небо и мечтать, мечтать...

Вот сейчас над головой синее-синее небо. Кажется Тарасу, что это большая высокая крыша и там, вдали, спускается она до земли.

«Там железные столбы подпирают небо, — думает Тарас. — Они, наверно, за горой. Если идти все время по этой дороге, то можно дойти до столбов, а если взобраться на курган, что за селом, то можно и увидеть их».

Микита, его старший брат, может быть, даже видел эти столбы. Когда отец чумаковал, он брал Микиту с собой в Одессу. Но нет, лучше не спрашивать у Микиты.

Лучше самому взобраться на курган и увидеть столбы.

Он поднимается, потуже затягивает свой ремешок, как полагается путнику, и бежит к кургану. Нужно пройти долину, потом мимо левады¹, потом опять через маленькую долину, а там и курган. Он высокий-высокий. Дед рассказывал, что там похоронены славные казаки. Ночью страшно итти к кургану. Может быть, казаки по ночам выходят из могил и разговаривают друг с другом? Страшно... А теперь не страшно. Еще рано, еще солнышко только-только спускается к горе. Прошел леваду, пошел тише. Когда лежал, казалось, что курган совсем близко, а теперь он идет-идет и до кургана все никак не дойдет. Наконец дошел. Взобрался на курган, видит — с одной стороны село, все в садах. С другой стороны тоже село. Да это же их село! Остановился Тарас. Уже поздно. Солнце почти совсем за гору спряталось.

«Нет, — думает Тарас, — сегодня не дойти, пойду уж завтра. С самого утра отправлюсь. Как только Катруся корову к стаду погонит, так я и пойду. А сегодня обману Микиту. Скажу: видел железные столбы, что небо подпирают. Пойду домой!»

С горы легче, чем в гору. Не заметил, как спустился. Медленно скрипят возы. Их везут крепкие круторогие волю.

— Гей, волю, волю вы мои! — раздаётся где-то на задних возах.

— Куда ты, хлопчик, идешь? — спрашивает

Тараса чумак с переднего воза, запряженного парой волов.

— Домой, — говорит Тарас.

— А где ж твой дом, хлопчик?

— В Кириловке.

— Почему же ты идешь в Моринцы?

— Я не в Моринцы, я в Кириловку иду.

— Если в Кириловку, то садись, довезем тебя до дому.

Улыбаясь, поднял чумак мальчика и посадил его на ящик, стоявший на возу.

— На, погоняй! Пусть все видят, какой чумак едет!

Он дал Тарасу кнут, и Тарас, довольный, гордый, засиял, как новый пятак. Еще бы! Он возвращается домой, как настоящий чумак.

Шлях не спит, не отдыхает. Едут, скрипят возы, медленно ступают спокойные круторогие волю. Издалека бредут они: переправлялись через реки, пили чистую днепровскую воду, брели по безбрежным степям, ели горькую полынь, отдыхали возле самого Черного моря, возле соленых озер. Не легкий прошли путь. Но спокойные и сильные, они были верными товарищами своих хозяев. Сейчас они возвращаются домой. Они везут соль, везут рыбу. Вот уже родной подорожник у них под копытами. Скоро они будут дома. Заботливый хозяин надолго снимет с них тяжелое ярмо, а ласковая хозяйка будет ухаживать и кормить вдоволь. И так до нового путешествия.

— Меня дома ждут вот такие же малыши, — сказал кто-то на соседнем возу, указывая на Тараса. — Живы ли они?..

¹ Левада — огороженный луг или пастбище.

— А все-таки чумаковать лучше,—сказал другой. — Уедешь и не видишь проклятого панского приказчика.

— Да-а, — отозвался хозяин воза, на котором ехал Тарас. — Как на пана наработаешься, то и Черный шлях белым покажется.

— А почему шлях называется Черным?—спросил Тарас.

Задымил чумаки трубкой и, улыбаясь, посмотрел на Тараса. Маленький, а какой любопытный!

— А потому, хлопчик, этот шлях Черный, что много горя на нем люди перетерпели. Так его деды и прадеды звали, так и мы зовем, потому что и теперь горя не меньше терпим.

Хотелось Тарасу спросить, какое горе терпят чумаки на шляху, да видит—вот уж и село возле горы.

Закричал весело:

— Вот наша хата!

— Ну, если ты свою хату видишь, так беги,—сказал чумаки.

Он снял мальчика с воза и поставил на землю.

Тарас помчался к хате.

Теперь только заметил он, что уже совсем стемнело. На небе появилась звездочка, за ней другая, выплыл двурогий месяц.

«Ну и ругать будут меня!» подумал Тарас.

Вот уже яблоня, Катрусина любимица, вот и хата, а возле хаты на зеленой траве сидят и ужинают отец, мать, братья и сестры. Лишь Катруси нет с ними.

«Где же она?!» думает Тарас.

А Катруся стоит возле дверей и смотрит на дорогу.

— Пришел, пришел, бродяга!—закричала она, увидев его. — Садись, ужинай...

И сердится и улыбается Катруся.

Ужинает Тарас, набирает деревянной ложкой суп из миски. Очень хочется ему рассказать, что бегал он к железным столбам. А что, если Микита на самом деле видел их и спросит: какие они? Может быть, рассказать лучше, как он с чумаками ездил и что он уже знает, почему шлях называется Черным? Но отец и мать сидят грустные, с детьми не разговаривают. Молчит и дед.

— Поглядите, мама,—закричал Микита:—кузнец уже уходит! Прощается со всеми.

— А куда идет кузнец?—спрашивает Тарас. Кузнец ведь его приятель, он каждый день забегает к нему в кузницу.

— Пан продал его,—говорит отец. —Продал, на собаку променял!

Видит Тарас: идет по шляху молодой кузнец, такой красивый, чернобровый. Дивчата и хлопцы провожают его. Старая мать идет рядом и плачет.

Остановился кузнец возле хаты Тараса. Поклонился... Плачут мать и Катруся. И у Тараса слезы на глазах.

Пошли по Черному шляху провожать кузнеца.

Тарас тихо-тихо говорит деду:

— А я уже знаю, что это за Черный шлях.

— А какие еще нам знать шляхи, кроме черных?—сказал дед и грустно опустил свою голову с длинными седыми усами.

Перевела с украинского Е. Живова

Самуил Яковлевич
МАРШАК.

Сергей Владимирович
МИХАЛКОВ.

Михаил Яковлевич
ИЛЬИН.

Агния Львовна
БАРТО.

Арнадий Петрович
ГАЙДАР.

ПОРАДУЙТЕСЬ С НАМИ!

Наше правительство наградило большую группу советских писателей орденами Союза ССР. Десять из этих почетных орденов даны нам, писателям, которые пишут книжки для ребят. С. Я. Маршак, Сергей Михалков, М. Ильин, Л. Квитко, Константин Паустовский, Корней Чуковский, А. Барто, Е. Благинина, А. Гайдар и Лев Кассиль получили эту почетную награду за свою работу для вас — для советской детворы.

И когда мы принимали в Кремле из рук Михаила Ивановича Калинина наши ордена, мы радовались не только за себя, не только за нашу любимую писательскую работу, но и за вас, дорогие вы наши читатели! Ну, в какой еще другой стране на свете писатели для детей получили бы такую великую награду? Это могло быть только в нашем, советском государстве, потому что наше награждение — это еще один пример того, как горячо и умно любит вас, детей своих, наш

народ, правительство наше и сам товарищ СТАЛИН. Страна заботится, чтоб у вас было много хороших, интересных книжек... Чтоб были книжки и толстые и тонкие, и грустные и веселые! Но все такие, что прочтешь — и станешь умнее, станешь знать больше, еще крепче любить нашу родину, еще злее ненавидеть ее врагов.

Нам, писателям, доверено великое дело — написать такие книжки. Сделали мы еще немного, но мы любим наше дело и, увидите, напишем больше и лучше. Страна заметила нашу работу и верит, что мы еще сделаем гораздо больше. И вот нас наградили орденами, которыми у нас награждают лучших людей родины: самых смелых летчиков, самых зорких пограничников, самых умелых стахановцев, самых знающих ученых, самых знаменитых артистов...

Так как же вам, ребята, не порадоваться вместе с нами!

*Писатель-орденоносец
Лев Кассиль*

Лев Моисеевич
КВИТКО.

Константин Георгиевич
ПАУСТОВСКИЙ.

Корней Иванович
ЧУКОВСКИЙ.

Дорогой товарищ МАРШАК!

Мы знаем наизусть ваши стихи «Почта», «Багаж», «Человек рассеянный». Мы любим ваши книги. Особенно нам понравились ваши последние книги «Рассказ о неизвестном герое» и «Акула, гиена и волк». Мы рады, что Советская страна отметила высокой наградой вашу работу. Горячо поздравляем вас с получением ордена Ленина.

Будем с нетерпением ждать ваших новых книг.

*Барановская Ира, Никулина Дора,
Гинзбург Рита.
59-я школа, г. Москва.*

Дорогой товарищ МИХАЛКОВ!

Мы очень любим вас и ваши стихи. Не так давно вы были у нас в Центральном доме пионеров и октябрят. Встреча с вами была для нас большим праздником.

А теперь у нас опять большой праздник: мы узнали, что вас наградили орденом Ленина.

Мы радуемся вместе с вами и ждем от вас новых стихотворений.

*Дуся Анатольева, Лида Бадрова.
305-я школа, 3-й класс, г. Москва.*

Дорогой товарищ КАССИЛЬ!

Все наши школьники очень обрадовались, когда узнали, что правительство наградило вас орденом «Знак почета».

Я читала много ваших книг: «Черемыш — брат героя», «Сказку об Алешке-Рязань», «Конduit и Швамбрания».

Все эти книги очень хорошие. А когда я читала «Конduit и Швамбрания», я думала: вот как вам было плохо учиться в старой гимназии. А нам весело и радостно в советской школе!

Лев Абрамович, у меня есть маленький братишка, он тоже вас поздравляет и просит вас написать интересный рассказ и для малышей.

*Нозми Городинская, ученица
4-го класса «Е» 59-й школы, г. Москва.*

ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!

Большой радостью было для меня известие, что правительство наградило орденом мою любимую писательницу Агнию Львовну Барто.

Я очень люблю стихи А. Л. Барто об испанских детях. Знаю наизусть стихи «Клятва», «Любит песенки Мария» и «Дом переехал».

Все ребята нашего класса просят вас передать привет всем писателям-орденоносцам.

*Герман Чижевский, ученик 1-го класса
483-й школы, г. Москва.*

Елена Александровна
БЛАГИНИНА.

Лев Абрамович
КАССИЛЬ.

* * *

Вишневый садик возле хаты,
Над вишнями шмелиный гуд;
За плугом пахари идут,
Проходят с песнями дивчата,
А матери их дома ждут.

Семья за ужином у хаты,
Звезда вечерняя встает,
И дочка ужин подает,
А мать журила б, да куда там! —
Всё соловейко не дает.

Мать уложила возле хаты
Ребятток маленьких своих,
Сама уснула подле них.
И всё затихло... Лишь дивчата
Да соловейко не затих.

1848

*Перевел с украинского
М. Шехтер*

СОН

Она на барском поле жала,
И тихо побрела к снопам —
Не отдохнуть, хоть и устала,
А покормить ребенка там.
В тени лежал и плакал он.
Она его распеленала,
Кормила, нянчила, ласкала —
И незаметно впала в сон.
И снится ей, житьем довольный,
Ее Иван... Пригож, богат...
На вольной, кажется, женат —
И потому, что сам уж вольный...
Они с лицом веселым жнут
На поле собственном пшеницу,
А детки им обед несут...
И тихо улыбнулась жница.
Но тут проснулась... Тяжко ей!
И, спеленав малютку быстро,
Взялась за серп — дожать скорей
Урочный сноп свой до бурмиистра¹.

*Перевел с украинского
А. Плещеев*

¹ Бурмистр — назначенный баринном староста из крестьян.

* * *

Тогда мне лет тринадцать было,
За выгоном я пас ягнят.
И то ли солнце так светило,
А может, просто был я рад
Чему-то . . . . .

...Да не долго солнце в небе
Ласковое было:
Поднялось, побагровело,
Зноем опалило.
Осмотрелся, как спросонок:
Земля постарела...
Даже небо голубое —
И то потемнело.
На ягнят я оглянулся —
Чужие ягнята.
Оглянулся я на хату —
Нет у меня хаты.
Ничего господь мне не дал..
Горький и убогий,
Я заплакал....

*Перевел с украинского
А. Твардовский*

* * *

Ревет и стонет Днепр широкий,
Сердитый ветер листья рвет,
До долу клонит лес высокий
И волны грозные несет.

А бледный месяц той порою
За темной тучею блуждал.
Как челн, застигнутый волною,
То выплывал, то пропадал.

Еще в селе не просыпались,
Петух зари еще не пел...
Сычи в лесу перекликались
Да яшень гнулся и скрипел.

*Перевел с украинского
М. Исаковский*

ЗАТЯЖНОЙ ПРЫЖОК

Рассказ Н. Григорьева

Рисунки П. Кирпичева

Пятые сутки подряд фашисты не давали покоя Мадриду. Каждую ночь они громили город из пушек, убивая женщин и детей.

И каждое утро с аэродрома вылетали республиканские самолеты, чтобы обнаружить фашистских убийц, а возвращались ни с чем: фашисты ловко прятали свои пушки. Пришла очередь лететь Себерию.

— У тебя зоркий глаз, Себерию, и чутье на волка, — сказал командир. — Разыщи эти проклятые фашистские пушки!

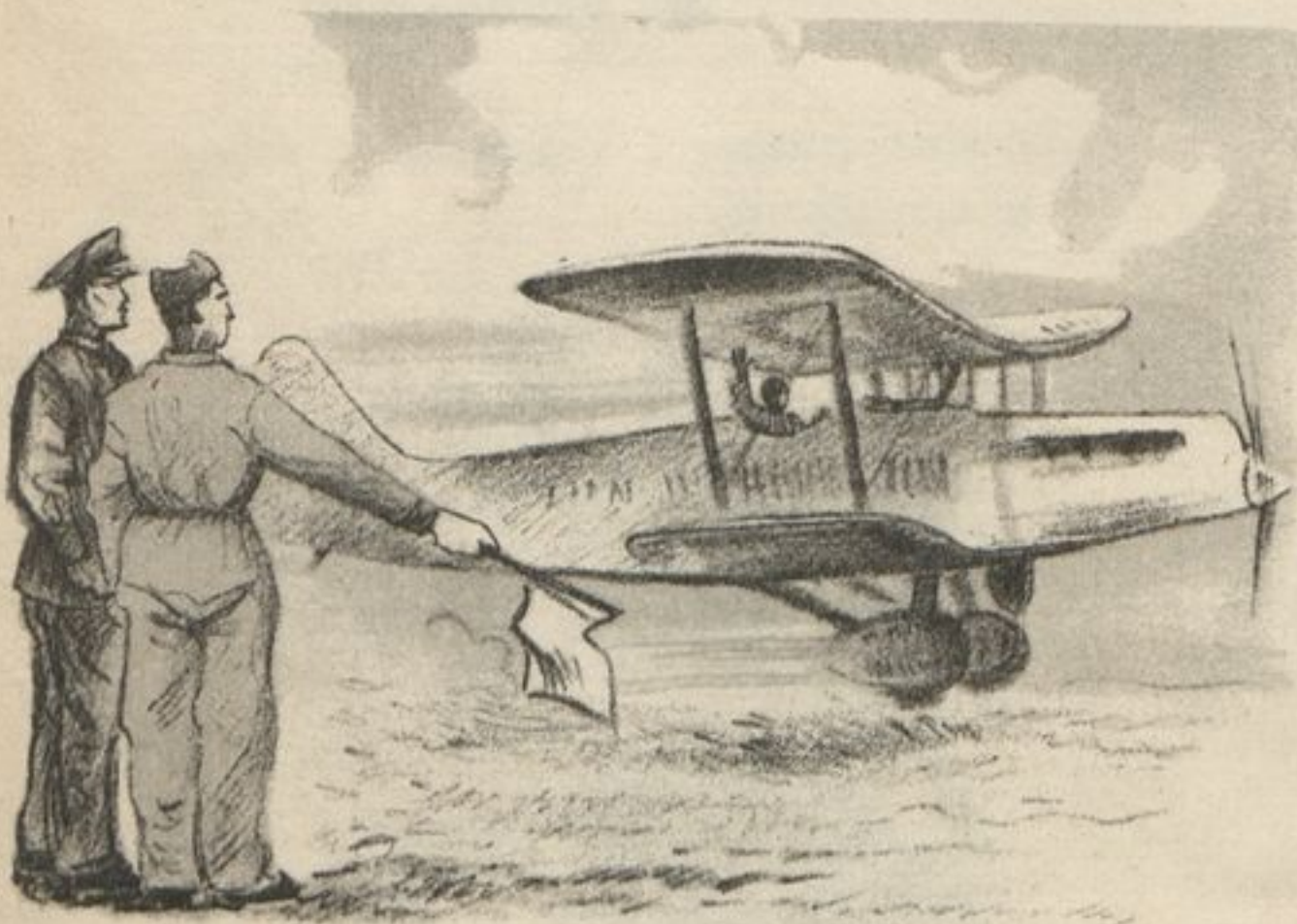
Летчик усмехнулся. Всякий раз, когда дело касалось разведки, командир напоминал ему, Себерию, что он — бывший пастух.

— Что ж, — сказал Себерию, садясь в самолет, — фашисты — те же волки. А глаз у меня на волка острый, ты прав, капитан!

Командир проверил, исправно ли действует в самолете фотоаппарат, и взмахнул рукой. Самолет поднялся в воздух.

Долго кружил летчик в тылу у фашистов. Он видел внизу сожженные деревни, поля, изрытые окопами. Себерию заглядывал с самолета в каждый закоулок. Где-нибудь должны быть эти пушки!

Фашисты пытались отогнать разведчика, стреляли вверх из пулеметов. Пули продырявили самолет уже в нескольких местах. Но Себерию не бросил дела на половине — не таков он был.

Себерию продолжал кружить над фашистами — и высмотрел наконец то, что искал!

Он увидел рощу. Веселую рощицу, кудрявую. Только деревья росли как-то странно. Много лет пастушил Себерию, а не видал, чтобы так стояли живые деревья: вкривь да вкось, и каждое дерево на свой лад.

Ясно, деревья не сами выросли, а просто натыканы в землю.

Приспустился Себерию на самолете, а тут, в роще, и пушки. Огромные, как слоны, — так и просвечивают сквозь зелень.

Себерию наставил фотоаппарат — щелк, щелк, щелк! — и снял рощу с пушками.

Дело сделано. Себерию заспешил домой. Надо было поскорее передать снимки своим бомбардировщикам. А уж они-то расправятся с фашистскими пушками: как начнут бомбить их с воздуха — только пыль пойдет! Себерию даже крикнул от радости и еще прибавил ходу.

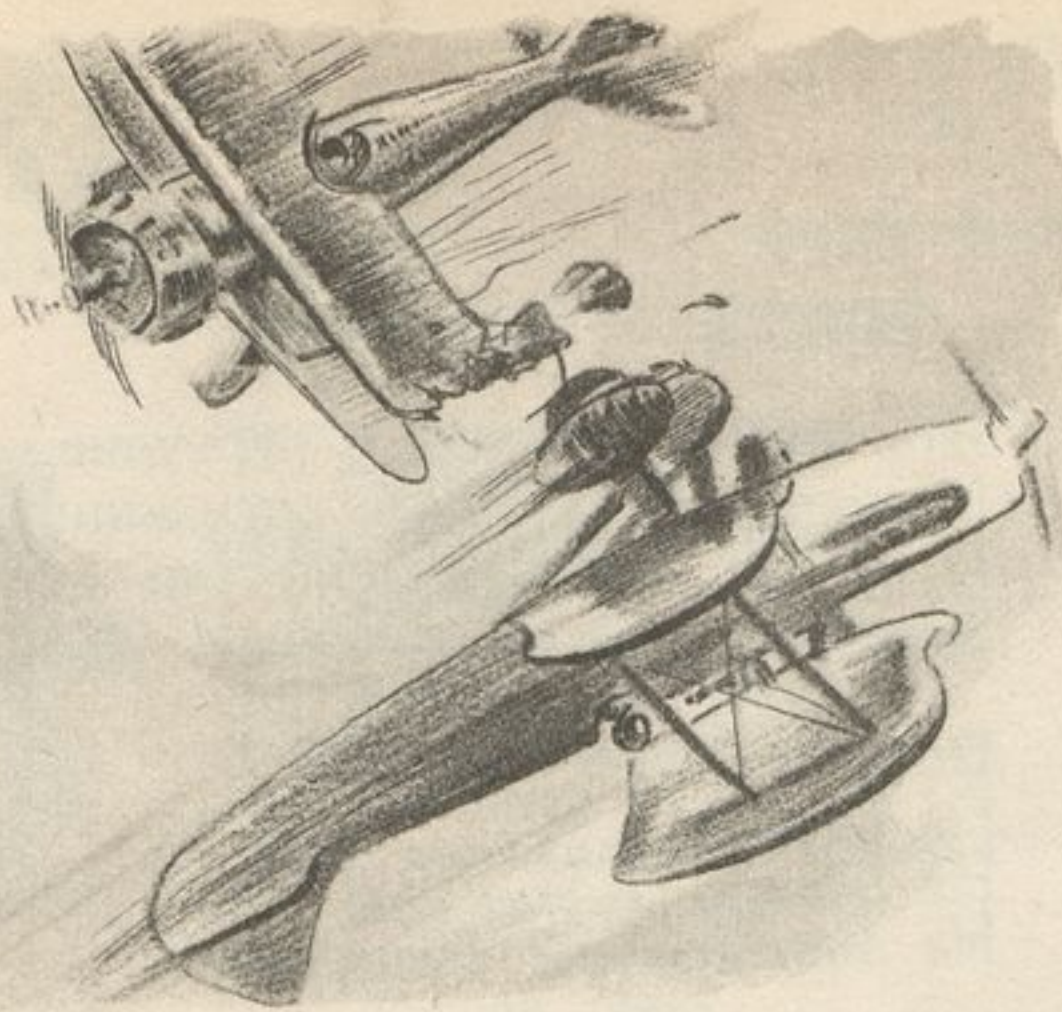
Но тут он увидел погоню. Следом мчались фашистские истребители. Видно, фашисты поняли, что республиканец обнаружил их спрятанные пушки.

Истребители быстро настигали разведчика.

Себерию набрал высоту и юркнул в облака. Здесь летчик был в безопасности. Он продолжал вести самолет к Мадриду.

Однако вскоре облачная дорога кончилась. И только вышел летчик из облаков — его окружили фашисты. Три фашистских истребителя с трех сторон бросились на республиканца.

Себерию не растерялся. Он круто рванул вверх, опять к облакам. Но не тут-то было!

затлевшуюся одежду. Глянул за борт: далеко внизу черной ниточкой вились по холмам окопы. За холмами начинался город. Это был Мадрид.

— Свои!

Летчик быстро разрядил фотоаппарат. Нашупал на груди кольцо парашюта: «Прыгать! Спасти снимки!»

Но в ту же минуту оба фашистских истребителя нырнули вниз. Фашисты приготовились расстрелять республиканца из пулеметов, как только он раскроет парашют.

Себерियो весь сжался в комок, обняв фотоаппарат.

— Ме эскапаре! Не дамся! — крикнул летчик и бросился вниз, не раскрывая парашюта. Камнем полетел к земле геройский летчик...

Фашисты, торжествуя победу, повернули обратно. Они решили, что республиканец упал и разбился.

А Себерियो в это время стоял на земле обеими ногами. Летчик приземлился по всем правилам, с парашютом. Только парашют он раскрыл не наверху, как ожидали фашисты, а у самой земли. Себерियो сделал искусный и смелый затяжной прыжок.

— Видал таких ослов? — смеясь, говорил Себерियो своему командиру. — Ловили меня, ловили, а я у них из-под носа выскочил. Убивать женщин да детей — тут они волки, а как смекнуть что-нибудь — совершенные ослы!

Мадрид в эту ночь спал спокойно. Фашистские пушки не стреляли по городу: их забросали бомбами и уничтожили республиканские бомбардировщики.

Из облаков, как коршун на добычу, ринулся на него четвертый фашистский истребитель. Уходить было некуда. Завязался бой.

«Один против четырех! Вот так задачка из арифметики!»

Себерियो вьюном вертелся среди вражеских самолетов. Он выделывал «мертвые петли», «бочки», «пике», пускался на всякие уловки, чтобы ускользнуть от фашистских пуль. Перекувырнулся в воздухе — да вдруг как влепит в фашиста полный заряд из пулемета! Задымился фашистский истребитель голубым дымком, вспыхнул, качнулся и кубарем полетел вниз.

— Минус один! — крикнул Себерियो. — Вычитание-то я знаю, господа фашисты. Ходил мальчишкой в школу!

Фашисты рассвирепели. Один из истребителей в бешенстве ринулся прямо на самолет республиканца. Но Себерियो успел увернуться. Он вздернул свой самолет на дыбы и царапнул фашиста по крылу колесами. Да так царапнул, что тот отлетел в сторону, как от пинка, и стал падать с разломанным крылом.

Так Себерियो сбил второй фашистский самолет. Но в воздухе остались еще два фашистских истребителя. Эти продолжали насакивать на республиканца.

— А, волчья стая, вам еще мало? — Себерियो схватился за пулемет. — Так получите же!

Но пулемет не выстрелил... И не успел Себерियो разглядеть, что случилось с пулеметом, как его ослепило пламя: самолет вспыхнул от фашистских пуль.

Себерियो вскочил с сиденья, срывая с себя

МАРТ

Рисунок Е. Эндриксон

Стихи А. Пришельца

Это значит—солнце в переулке,
На карнизе—длинные сосульки,
И от них, сверкая, полетели
Звонкие, веселые капли.

Полетели вниз капли
На пальто,
На шапки,
На шинели...

Небо чисто-чисто и высоко,
Солнце зажигает стекла окон.
У стены, где самый солнцепек,
Выбежал кудрявый ручеек.

А лучи-то очень горячи!
И над парком кружатся грачи.
Сколько их! Как радостно кричат!
Рады, что вернулись назад,
Что их гнезда, брошенные в зиму,
На деревьях целы, невредимы.

И бегут по улице трамваи,
Золотыми стеклами сверкая.

Да, ребята, кончилась зима,
Нынче можно варежки снимать.
Здравствуй, солнце,
И тепло, и свет!
Марту долгожданному
Привет!

РАЗГОВОР С ЛУНОЙ

Из-за тучки выплывает
 Полная луна,
 Нашу спальню освещает,
 Смотрит на меня.
 И лишь в доме станет тихо,
 И лишь все уснут,
 И луна и мальчик Сева
 Разговор ведут.
 „Спи, мой мальчик, баю-баю!
 Всё кругом молчит.
 Или спать тебе мешают
 Лунные лучи?
 Прилететь ко мне стремятся
 Люди с давних пор,
 Но никто не разгадает
 Тайны лунных гор.
 Люди жалки и бессильны,
 И никто из них
 Никогда не погуляет
 На полях моих“.—
 „Правда, ты, луна, далеко, —
 Сева говорит. —
 Но теперь мы все — герои,
 Все богатыри!
 Ледокол плывет навстречу
 Грозным вечным льдам,
 Покоряется природа
 Нам, большевикам.
 Циолковский нам оставил
 Чертежи и план,
 Скоро-скоро мы построим
 Наш ракетоплан!
 И тогда, луна-царица,
 В вышине своей
 Принимай ракету-птицу
 И встречай гостей!“

Сева Бойцов, 9 лет, Москва.

Рисунок Лени Никитина, 7 лет, Саратов.

НА КОНЬКАХ

Рисунок Тани Воскобойниковой, 8 лет, Ростов н/Д.

НАШИ ПОДАРКИ СЪЕЗДУ

На сборе отряда октябрят вожатая Вера Озерова рассказала нам, что 10 марта откроется XVIII съезд партии большевиков. Трое из нашего класса: Веня Кассель, Юра Марковин и Лева Бабкин — в подарок съезду сочинили пьесу „Как Вася задержал шпиона“. Мы решили ее поставить 10 марта.

— Но лучшим вашим подарком съезду, — сказала Вера Озерова, — будет, конечно, хорошая учеба. Слабые наши ученики дали слово исправить свои отметки, а отличники нашего класса: Аханова Люда, Марковин Юра, Кракаренко Люда и Лева Бабкин — обещали помочь всем отстающим в нашем классе.

2-й класс „А“ 41-й школы г. Москвы.
Староста класса Лева Бабкин.

ВЕСНА

Рисунок Гали Троицкой, 6 лет, Куйбышевская обл.

Очерк Н. Плавильщикова

21 марта день с ночью равняется; двенадцать часов светит солнце. Это значит — пришла весна.

Всякий зверь, всякая птица по-своему весне радуются, по-своему новую жизнь начинают.

Черный ворон самой торопливой птицей оказался: у него гнездо давно готово, и в гнезде уже яйцо лежит. Холодно еще в лесу, морозит по ночам, нельзя оставить яйцо: день и ночь сидит на нем ворониха, греет его, а ворон ей корм в клюве носит.

Синица петь начала. Сидит на ветке и заливается во весь свой синичий голосишко: «Зинь-зинь-тррр... зинь-зинь-тррр...» Словно выговаривает: «Скинь кафтан, весна пришла, тепло стало». Прыгает по деревьям, поет, кормится, а о гнезде и не думает. «Вот лентяйка!» скажешь. Ну и ошибешься: она совсем не лентяйка, ей рано еще о гнезде думать.

И серые вороны не сразу за гнезда принялись. Для начала они поиграли немножко. А играют они вот как: залетят высоко-высоко, под самые облака, и вот там кувыркаются, одна возле другой кружатся. Вот они справили весенний праздник, досыта накружились и накувыркались, и за гнезда принялись, — кто старые чинит, кто новые строит.

А воробью до облаков не долететь; куда ему: слабы воробьиные крылья. Что ж, можно и по-другому устроиться. Подрались, покричали воробьи по крышам, по дорогам, по дворам, покупались в первых лужах — вот и тоже весну встретили.

На утренней заре в глухом лесу начинает петь глухарь. Птица эта большая, почти с индюка. А поет глухарь — за версту слышно: то трели запустит, а то заскрипит, словно нож о нож кто точит. Всякая птица по-своему поет.

Дятел носом работает. Заберется на верхушку обломанной осины и давай по ней клювом колотить! Так барабанит, что и не

Рисунки В. Житенева

поверишь сразу: как это может небольшая птица столько шуму наделать?

По лесной опушке первая бабочка летает: крапивница, красная с черными пятнами. Нигде ни цветочка, ни травинки зеленой еще не видать, а бабочка летает. Посидит на подсохшей проталинке, передохнет и опять полетит. А куда ей лететь? Крапива еще не выросла. Вот и порхает весь день бездомная крапивница.

Белка детенышами обзавелась. Маленькие, голые, слепые... Лежат в теплом дупле и дремлют. Проснутся, пососут мать и опять заснут.

А вот у зайчихи зайчата совсем не такие. Родила она их на снегу. Бойкие зайчики народились: в шерстке, смотрят во все глаза. Прыгают по снегу, словно большие. Матери хлопот с ними много, только и смотри, чтобы не удрали. Долго ли глупого зайчонка лисе или сове схватить?

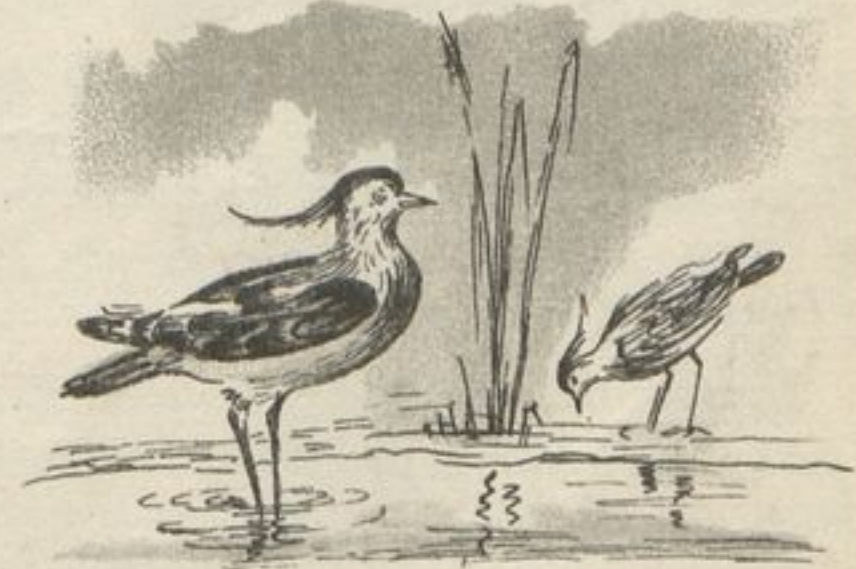
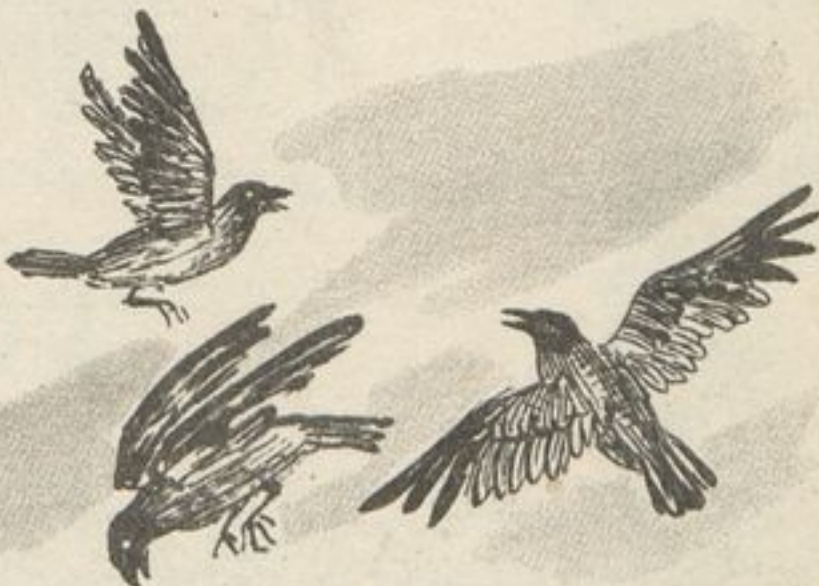
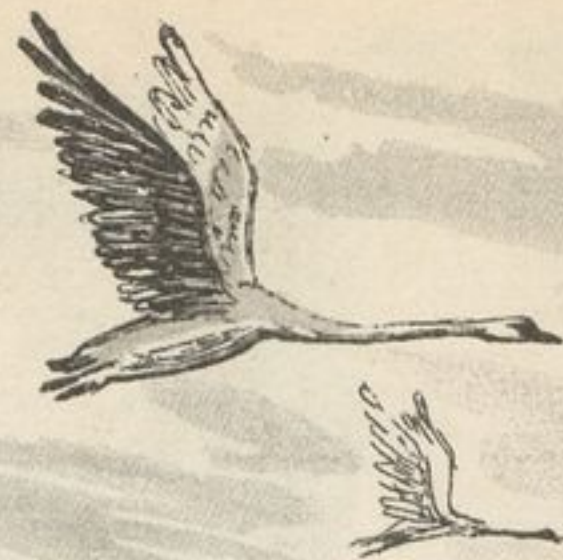
У медведицы в берлоге трое медвежат народилось. А сосут медвежата не просто: сосут и урчат, да так урчат, что издали слышно. Идешь — словно где-то вдали аэроплан летит.

21 марта сравнялся день с ночью, и еще веселее в лесу стало. Громче забарабанил дятел, прилетели и запиныкали зяблики. В роще грачи так орут, хоть уши затыкай.

На болоте, возле первых луж, чибисы бегают и хохолками трясут. А увидят кого — взлетят и ну кричать: «Чьи вы, чьи вы?» Жаворонки прилетели, но пока не поют — рано еще.

В небе гуси кричат, журавли курлыкают. А иногда услышишь, словно кто-то в серебряные трубы протрубил: это лебеди пролетели.

Ива-верба белыми барашками покрылась. У березы сок от корней к почкам двинулся. Мать-и-мачеха цвести собралась: она рано цветет, еще до листьев. Орешник уже зацвел: покрылся желтыми сережками. Подует ветерок — полетит желтая пыль, покроет снег под ореховым кустом.

Рассказ В. Бианки

Рисунки П. Пастухова

ГОЛУБЫЕ ЛЯГУШКИ

Была весна. Снег совсем почти стаял, и все канавки в лесу разлились в целые ручьи. В них громко кричали лягушки.

Один мальчик подошел к канаве. Лягушки сразу замолчали и — бульк-бульк-бульк! — попрыгали в воду.

Канавка была широкая. Мальчик не знал, как через нее перебраться. Он стоял и думал: „Из чего бы тут сделать мост?“

Понемногу из воды стали высовываться треугольные головы лягушек. Лягушки со страхом пучеглазились на мальчика. Он стоял неподвижно. Тогда они начали вылезать из воды. Вылезли и запели.

Их пение нельзя было назвать очень красивым. Есть лягушки, которые звонко квакают; другие кричат вроде уток. А эти только громко урчали, хрипели: „Тур-лур-лурр...“

Мальчик взглянул на них и выпучил глаза от удивления: лягушки были голубые.

До этого ему приходилось видеть много лягушек, но все они были обыкновенного лягушачьего цвета: серо-буро-коричневые или зеленые. Он даже держал одну зеленую дома, в большой банке из-под варенья. Когда она квакала, она

надувала у себя на шее два больших пузыря.

А эти, в канаве, только горлышки раздували, и горлышки у них тоже были красивого светлоголубого цвета. Мальчик подумал:

„Наверно, никто еще не видел голубых лягушек. Это я первый открыл их“.

Он живо поймал трех лягушек, посадил их в кепку и побежал домой.

Дома были гости. Мальчик вбежал в комнату и закричал:

— Я принес голубых лягушек!

Все обернулись к нему и замолчали. Он взял и вытряхнул из кепки всех трех лягушек прямо на стол.

Раздался громкий хохот.

Мальчик глянул на лягушек и раскрыл рот от удивления: все три лягушки были не голубые, а обыкновенного лягушачьего цвета — серо-буро-коричневые! Все смеялись, но отец мальчика сказал:

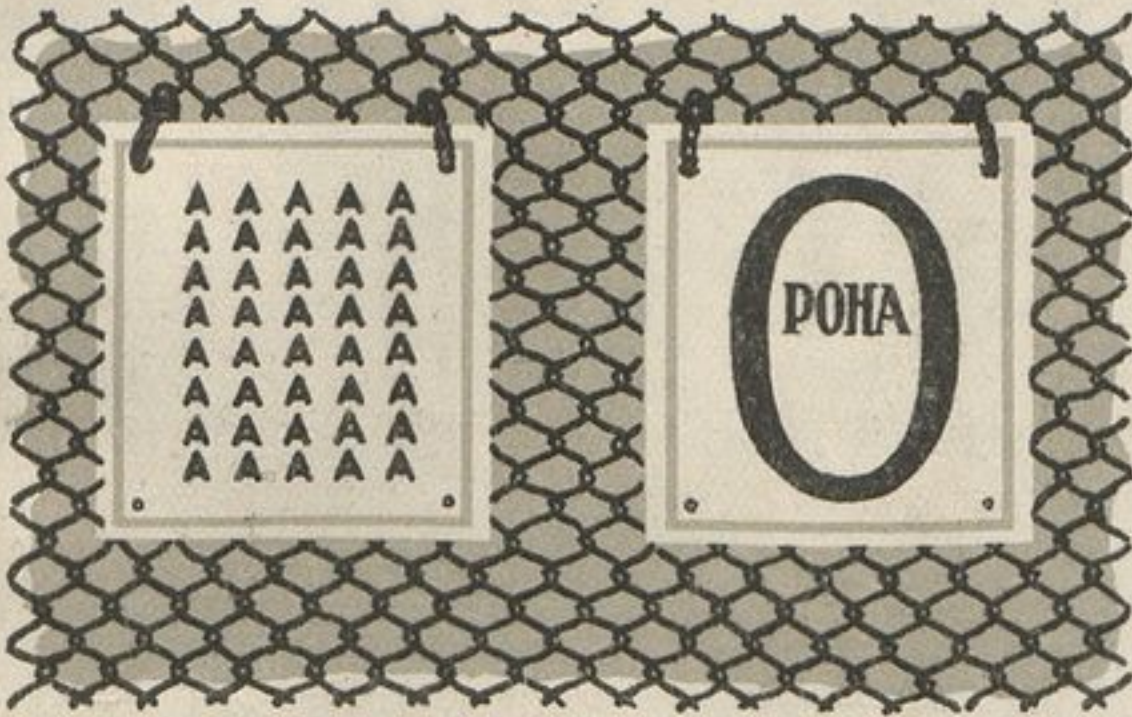
— Нечего смеяться над мальчишкой: он ловил лягушек в то время, когда они урчали. Это обыкновенные травяные лягушки — лягушки-турлушки. Они некрасивы, но когда их освещает весеннее солнце и они поют, они очень хорошеют — становятся нежно-голубого цвета. Не всякий это видел.

ДЕСЛПА

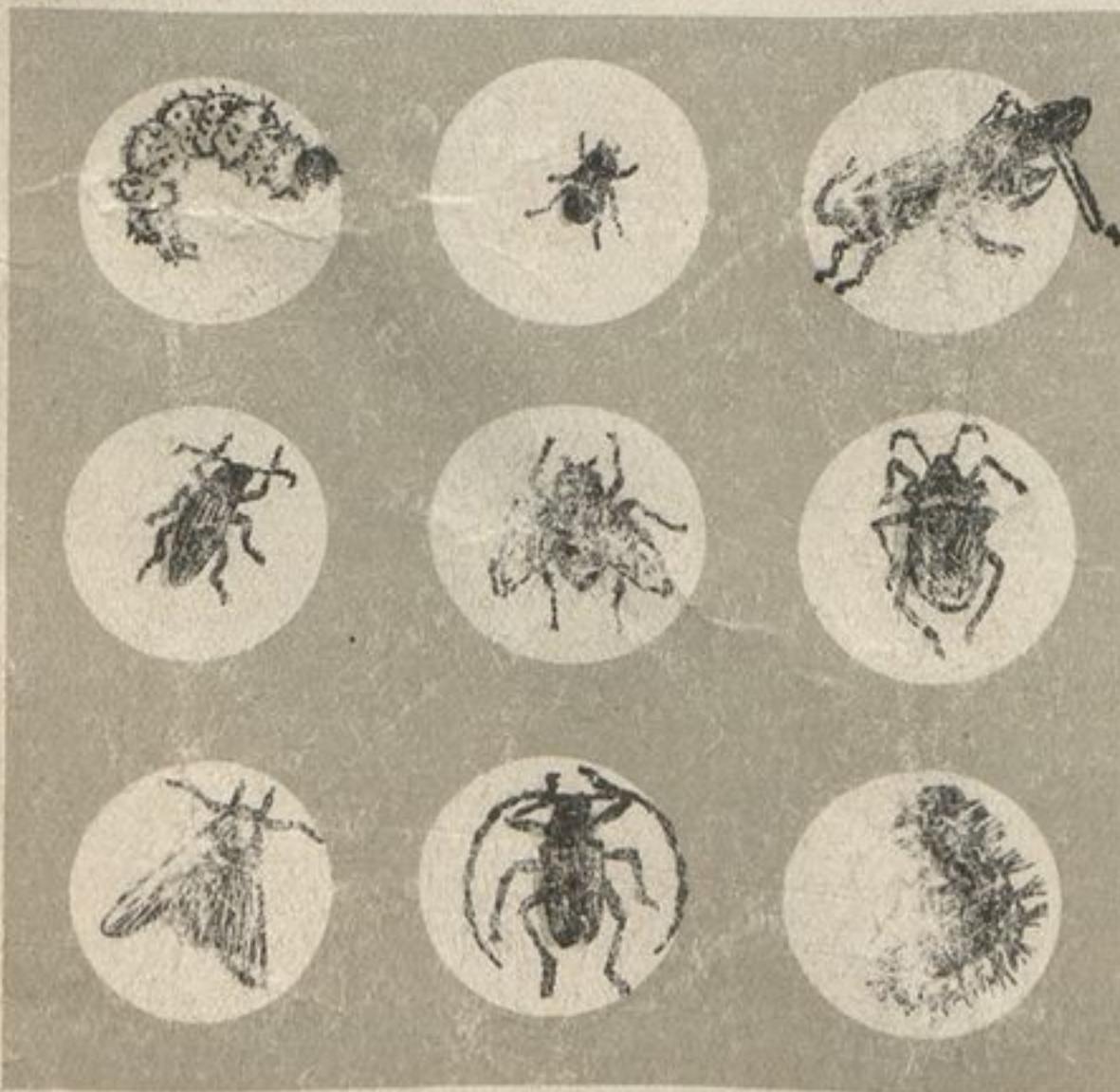
Попробуй с помощью зеркала, ничего не дорисовывая и не дописывая, прочесть по этим линиям название одного из времен года.

В ЗООПАРКЕ

Мурзилка пришел в зоопарк и увидел, что на клетке вместо таблички с названиями птиц висит ребус. Скоро Мурзилка узнал все названия этих птиц. Как они называются?

ДЕВЯТЬ БУКАШЕК

Вот перед тобой девять букашек. Они вредят растениям. Попробуй перечеркнуть их четырьмя прямыми линиями, не отрывая карандаша от бумаги.

СКОЛЬКО ОРЕХОВ?

Как-то раз, домой приехав,
Папа наш привез орехов.
Прямо в руки мы из рук
Получили

Сорок штук.

Мама нам шутя сказала:

„Хоть орехов здесь немало,
Всё же нужен уговор —
Разделите их без ссор!“

Было нас четыре брата,

И товарищ брата — пятый,

И у каждого из нас

Братьев — по трое как раз.

Повторяем это дважды:

Братьев трех имеет каждый.

Если штук выходит по сто,

Разделить довольно просто.

Если ж в доле штуки две лишь,

Как без ссоры тут разделишь?

Каждый, сколько б ни попало,

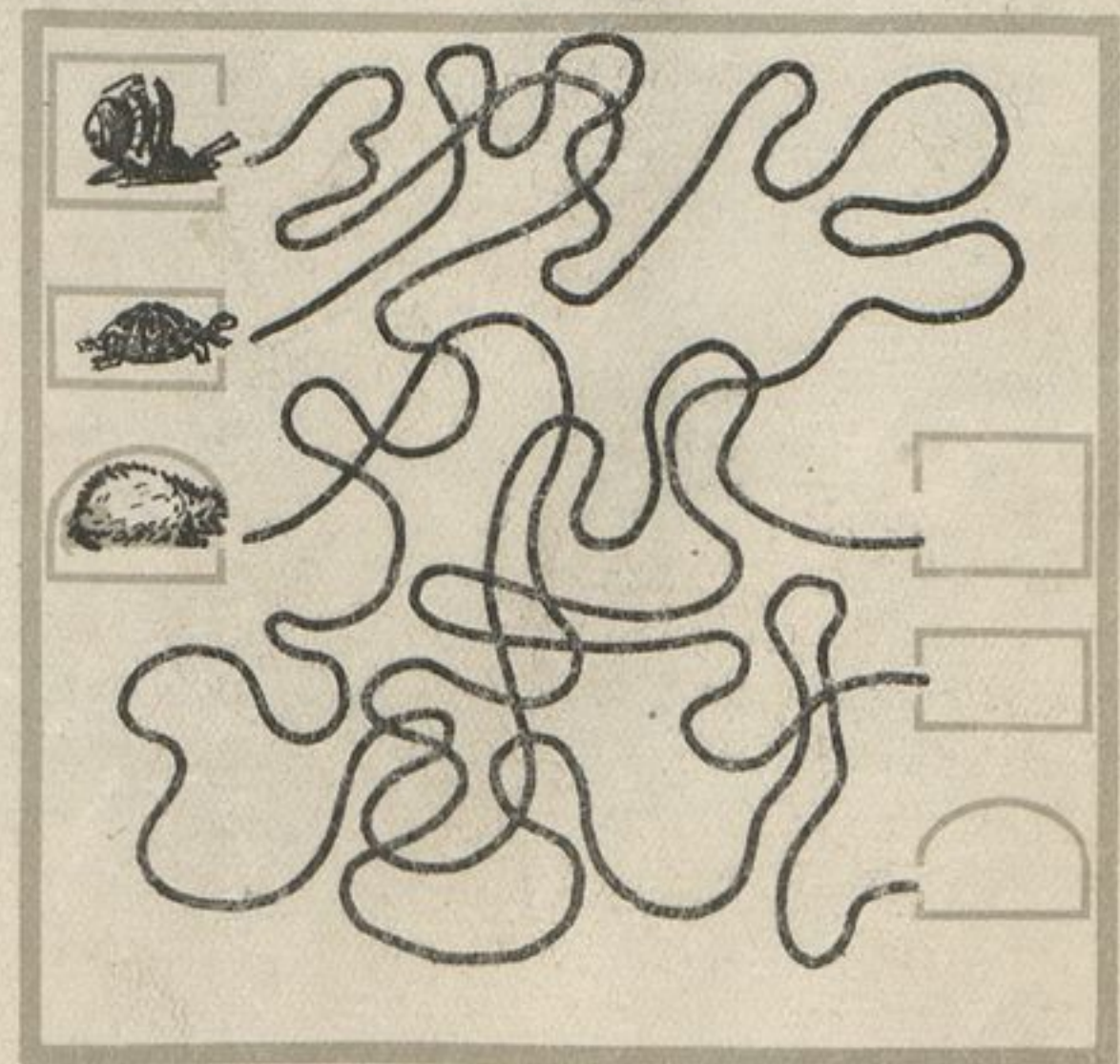
Будет всё считать: „Как мало!“

Помогите-ка нам, дети,

Разделить орехи эти!

ЛАБИРИНТ

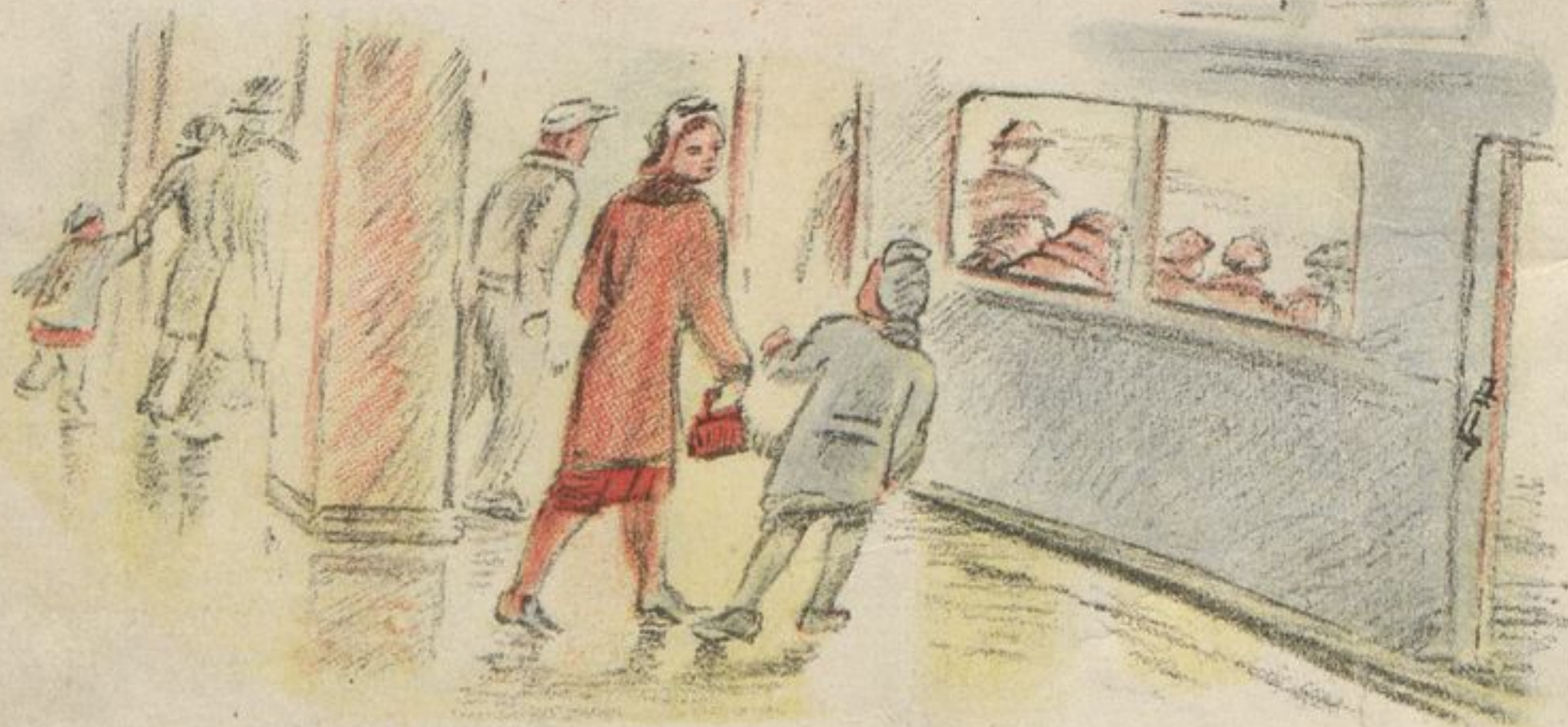

Ребята! Покажите, какими путями пройдут улитка, черепаха и ёж. Каждый из них должен пройти на свое место только своей дорогой.

15+15

Пятнадцать и пятнадцать
Получится... один!
Не надо волноваться,
Не спорьте, гражданин!
Вы думаете — тридцать?
Нет, это уж старо.
Зачем же так сердиться?
Пройдемте на метро.
Вот в щелочку косую
Монету положу я.
Монеты нет как нет!
Не надо волноваться,
Пятнадцать плюс пятнадцать...
И что же вышло, братцы?
Один билет!

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЦК ВЛКСМ. Адрес редакции: Москва, Чертольский пер., 4. Тел. Н 4 2.

Ответственный редактор А. Н. Дунина.

Художеств. редактор В. С. Ж...

Сдано в набор 16/1 1939 г.

Корректоры З. Молодык и А. Сапелкина.

Подписано к печати 7/III 1939 г.

Объем 2,5 печ. л. Ст.-форм. 93 × 120 1/16.

Уполномоченный Главлита А-2606.

Заказ № 73.

Детиздат № 2151.

Тираж 2' 00.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва. Сушевский вал, 49.